

Слусинг в татышлинском удмуртском: портрет конструкции¹

Дарья Дмитриевна Белова
Институт языкознания РАН / НИУ ВШЭ
dd.belova@yandex.ru

Слусингом называется эллипсис косвенного вопроса, при котором на озвучивании остается *wh*-XP [Merchant 2001; Vicente 2018]. Слусинговая конструкция состоит из трех элементов: клаузы-антецедента, матричной клаузы и клаузы-слуса. Вопросительное слово, избегающее удаления, называется ремнантом. Ему может соответствовать относительное местоимение-коррелят в антецеденте:

(1) *Вася что-то нарисовал, но я не знаю, что.*

Феномен слусинга можно считать гетерогенным в том смысле, что он включает в себя не одну структуру, а скорее семейство конструкций. Поэтому ограничения и механизмы деривации этих конструкций в разных языках представляют типологический интерес. Параметры межъязыкового варьирования в рамках слусинговых конструкций включают обязательность коррелята (*спраутинг*) падежное соответствие между ремнантом и коррелятом, допустимость демонстратива (*спейдинг*), объем озвучиваемого материала. Кроме того, (как минимум некоторые) теоретические подходы к слусингу предполагают *A'*-передвижение ремнанта внутри клаузы-слуса. В связи с этим особый интерес представляют языки *wh*-in-situ. Слусинг в финно-угорских языках, относящихся к этому типу, исследован крайне мало. Некоторые данные по слусинговым конструкциям в (стандартном) удмуртском и луговом марийском представлены в докладах [Georgieva 2024a, 2024b]. Однако, во-первых, данные каждого языка не рассматриваются подробно, а во-вторых, на данный момент неизвестны масштабы диалектного варьирования этого синтаксического явления. В нашем исследовании мы представим данные татышлинского говора удмуртского языка; из-за длительного тесного контакта с тюркскими идиомами он демонстрирует отличия от стандартного удмуртского на всех языковых уровнях, в том числе в синтаксисе. Данные были собраны путем анкетирования носителей в ходе экспедиции в Татышлинский район (Республика Башкортостан) в 2024-2025 гг.

Слусинг в татышлинском удмуртском представлен тремя конструкциями:

- (2) *vas'a (kin-lâ dār) gožtet-jos lez'-i-z noš mon*
Вася кто-DAT INDEF письмо-PL пускать-PST-3SG но я
ug tod-is'kâ —
NEG.PRS.1SG знать-PRS
a. *kin-lâ.*
кто-DAT
b. *kin *(so).*
кто тот
c. *kin-ze.*
кто-ACC.POSS.3SG

'Вася отправил кому-то письма, но я не знаю, кому'.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00199,
<https://rscf.ru/project/24-18-00199/>

Конструкцию типа 2а можно назвать настоящим слусингом; ремнант падежно соответствует корреляту. Конструкция типа 2b является примером псевдослусинга, при котором слус представляет собой не изоморфную антецеденту финитную клаузу, а структуру с копулой. Наконец, большой интерес представляют конструкции типа 2с, в которой ремнант маркируется показателем посессивного аккузатива и при этом падежно не соответствует корреляту. Маркировать *wh*-слово в зависимом вопросе без эллипсиса нельзя даже в контрастивном контексте, который обычно способствует дискурсивному посессиву:

- (3) *mon ug tod-is'kâ kâtč'â-(*ze) pet'a košk-i-z*
 я NEG.PRS.1SG знать-PRS куда-ACC.POSS.3SG Петя уйти-PST-3SG
noš tod-is'ko-Ø kü-(ze).
 я знать-PRS-1SG когда-ACC.POSS.3SG
 'Я не знаю, куда уехал Петя, но знаю, когда'

Для большого числа языков объем материала, избегающего удаления при слусинге, описывается СОМР-обобщением [Merchant 2001]. Согласно ему, в ремнанте может оставаться исключительно *wh*-группа, но никакого другого материала СР, включая комплементаризер. Тем не менее, языки с возможностью озвучивания комплементаризера существуют, см., например, бурятский [Моргунова 2018]. В качестве одного из подходов к моделированию этого явления предлагается структура клаузы с двумя проекциями СР, из которых эллипсису подвергается только одна. Татышлинский удмуртский интересен тем, что в частных зависимых вопросах может присутствовать и исконный постпозитивный комплементаризер *šüäsa*, восходящий к деепричастной форме глагола речи, и заимствованный русский *что*, и (примерно в половине идиолектов) их одновременное сочетание:

- (4) *mon tod-is'ko-Ø (%što) kin van' känfet-jos-âz s'i-em šüäsa.*
 я знать-PRS-1SG что кто весь конфета-PL-ACC есть-PST2 что
 'Я знаю, кто съел все конфеты'.

Озвучивание комплементаризера в слусинге коррелирует с обычными зависимыми вопросами: для всех опрошенных допустимо озвучить *šüäsa* и для половины — сочетание *što* и *šüäsa*. Этот факт выступает аргументом против подхода с двумя проекциями СР, поскольку он предсказывает запрет на сохранение двух комплементаризеров.

- (5) *kin dār van' känfet-jos-âz s'i-em noš mon*
 кто INDEF весь конфета-PL-ACC есть-PST2 но я
ug tod-is'kâ (%što) kin (šüäsa).
 NEG.PRS.1SG знать-PRS что кто что
 'Кто-то съел все конфеты, но я не знаю, кто'.

В докладе мы подробно рассмотрим свойства и ограничения конструкций в свете типологии слусинга, а также обсудим последствия данных эллипсиса для моделирования структуры клаузы и приписывания падежа в удмуртском языке.

Источники

- Моргунова, Е. В. (2019). Слусинговые конструкции в бурятском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2(XV), 163-194.
- Georgieva, E. (2024a). On sluicing in Meadow Mari and Udmurt. *Uralic Information Centre talk series*.
- Georgieva, E. (2024b). Copular clauses, nominalizations and ellipsis in Meadow Mari and Udmurt. *Syntax of Uralic Languages* 5.
- Merchant, J. (2001). *The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis*. Oxford: Oxford University Press
- Vicente, L. (2018). Sluicing and its subtypes. Jeroen van Craenenbroeck & Tanja Temmerman (eds.), *The Oxford handbook of ellipsis*. Oxford University Press